

Хотя, глядя на кота, который, беспомощно копошась, пытается ухаживать за своей слишком длинной шерстью на груди и в итоге просто смиряется и с полным ртом шерсти смотрит в пустоту, вряд ли придёт в голову задуматься о таких человеческих институтах, как брак.

Да и люди вокруг герцога только и делали, что в панике кричали «Иии, страшно!» и разбегались, потому представить его в браке с кем-либо было бы крайне затруднительно...

Тем не менее, Руан был единственным человеком, знавшим, что герцог — зверочеловек-кот. А ещё он был его советником. Это значило, что именно он должен был думать за герцога по-человечески и заботиться об этой стороне его жизни.

И всё же... он ни разу даже не подумал об этом важном вопросе, пока Фолькер сам его не поднял.

Он знал, что с тех пор как герцог начал сближаться с другими людьми, необходимость быть посредником между котом и человеком отпала. Тем не менее он все же думал, что хорошо справляется со своими обязанностями советника. Неужели это было не так?

«Тогда чем я вообще могу быть ему полезен?»

Охваченный неприятным чувством, Руан рефлекторно перевёл взгляд на герцога.

И в тот же миг его глазам предстало...

В величественном бальном зале, под восхищёнными взглядами титулованных особ, уверенно возвышался «герцог Дитрих Райнке», притягивая к себе всё внимание.

Аккуратно уложенные чёрные волосы подчёркивали мужественные черты лица. Строгий, но изысканно скроенный костюм скрывал подтянутое, вымуштрованное тело воина. Тяжёлая, почти давящая аура, которая не позволяла легко приблизиться к нему, но оттого было ещё труднее отвести взгляд.

Надменная манера, словно доказывающая его положение, при котором он не нуждался в том, чтобы первым представляться кому-либо или самому подходить к другим.

Перед ним стоял мужчина, которого любой бы назвал невероятно привлекательным, единственный в Империи «герцог» и прославленный рыцарь, чья сила была признана всеми, окружённый вниманием незнакомцев.

Этот тёмно-синий наряд был подготовлен Руаном после долгих раздумий и советов с разными людьми специально для первого выхода герцога в свет. Зная, как тот терпеть не может украшения, он свёл декор к минимуму, но даже так одежда была менее удобной по сравнению с повседневной, что вызывало беспокойство. И всё же... перед балом герцог лишь пристально

посмотрел на Руана, не выказав ни малейшего недовольства, и позволил ему поправить наряд, что немного успокоило помощника.

Но это была одежда, надетая с таким чувством, будто вешаешь на шею коту ошейник с адресным жетоном по дороге в ветеринарную клинику.

Глядя на герцога, который стоял среди незнакомцев в том наряде, великолепный и блистательный, Руан вдруг ощутил, как в его сознании мелькнуло то, о чём он забыл из-за их чрезмерной близости.

«Теперь, если подумать, герцог ведь изначально был таким выдающимся человеком.»

Из-за кошачьей природы герцога его часто неправильно понимали, он плохо разбирался в человеческих проблемах и потому не сближался с людьми. Но по своей сути Дитрих Райнке, Великий герцог, всегда был тем, кем выглядел сейчас — человеком, достойным всеобщего внимания.

Тот, кто стоит в центре всеобщего внимания, естественно притягивающий взгляды. Тот, к кому никто не сможет легко приблизиться, потому что он обладает слишком многим.

Если бы не странные недоразумения, вокруг такого герцога сразу же появилось бы множество людей, желающих стать ближе к нему. Их было бы, как звёзд на небе. А тогда, естественно, нашлось бы и немало тех, кто готов помогать ему в делах.

Причина, по которой Руан до сих пор оставался единственным человеком рядом с ним, была проста: только он мог быть посредником между жителями и герцогом, только он решал проблемы, на которые сам герцог не обращал внимания.

Но теперь, когда недопонимания в какой-то степени рассеялись, вокруг герцога уже было немало близких людей, а желающих стать ближе ещё больше. Если он больше не сможет как следует помогать тому в делах, то станет для герцога бесполезным.

К тому же...

— Вы сказали, что у Его Светлости нет невесты?

— Значит, у нас ещё есть шансы?

— Великая герцогиня... Звучит впечатляюще.

Если герцог женится, и его супруга станет самым близким ему человеком...

«Тогда какое место в его жизни буду занимать я?»

С тревожным сердцем Руан смотрел на герцога.

Скоро рядом с герцогом станет ещё больше людей. И Руану, не имея необходимости оставаться среди них, придётся отступить в сторону.

Появятся те, кто будет заботиться о его делах. Те, кто лучше знает этот мир, те, кто сможет помочь ему куда больше, чем Руан.

Возле герцога теперь будет засыпать его супруга. Руану же придётся одному занимать спальню, которую они прежде разделяли вместе.

Не только Руан будет знать тайну герцога. И не только ему одному герцог будет доверять.

Значит ли это, что отныне Руан будет стоять не рядом с герцогом, как раньше, а окажется позади других?

Так же, как сейчас, когда между ними всего несколько шагов, но кажется, будто это десятки ли, и Руан лишь смотрит на герцога, окружённого другими?

В этот миг Руан вдруг понял, что означала та тоска, что не покидала его всю дорогу до столицы. Потрясение, охватившее его при вести о свадьбе герцога. Оцепенение, когда он слышал откровенные разговоры тех, кто смотрел на герцога.

До сих пор он думал, что просто хочет быть полезным герцогу и разделять с ним счастье.

«Но на самом деле я...»

Разве он не хотел оставаться единственным, особенным для герцога? Хотел владеть им безраздельно?

Всегда.

В ту же секунду взгляд герцога, который до того настороженно следил за приближающимися к нему людьми, переместился на Руана. Зрачки, суженные от яркого света, чётко зафиксировались на нём.

Хотя между ними было расстояние, и на лице герцога не дрогнул ни один мускул, Руан сразу понял, что тот подумал: «Почему этот дурак до сих пор стоит там, уставившись, вместо того чтобы подойти?»

В обычное время Руан тут же подошёл бы, едва встретившись с ним глазами. Но теперь он стоял, словно забыл, как двигаться, и мог лишь растерянно смотреть на герцога.

Потому что мысль, только что обрушившаяся на него, словно гиря приковала его к полу.

«Значит, это не просто чувства советника и дворецкого. Не так ли?»

* * *

Герцог нервничал.

Разумеется, из-за своего советника.

Подготовка к уходу шла весьма успешно.

Извлекая уроки из прошлых неудач, герцог тщательно собирал сведения среди людей, чтобы не допустить никаких упущений.

Поначалу он думал, что родственника советника будет достаточно, но однажды тот явился к нему в сопровождении нескольких рыцарей.

Прежде эти недотроги лишь дрожали при виде него, так что сначала он отнёсся к ним с подозрением. Но, как оказалось, рыцари эти уже имели опыт успешного человеческого ухода и оказались куда более осведомлёнными, чем он ожидал. Неожиданно они оказались весьма полезны.

Обычно всё, что выходит за рамки привычного, вызывает у него скорее раздражение, но порой именно в таких случаях удаётся найти нечто по-настоящему ценное. Так и герцог, удовлетворённо хмыкнув, решил впредь с большей пользой использовать своих подчинённых.

Пусть те, кто ещё минуту назад, с горящими глазами, наперебой делились сведениями, вдруг снова съёжились и приняли свой прежний робкий вид... Но так или иначе, благодаря им герцог смог без труда собрать нужную информацию о человеческих уходах.

Так, шаг за шагом, приготовления к предложению продвигались. И, по идее, герцог должен был испытывать лишь удовлетворение и предвкушение. Но вместо этих светлых чувств его одолевала тревога.

«Ваша Светлость. Сюрпризы, конечно, помогают встряхнуть привычный уклад, обновить чувства и внести свежесть... Но главное их назначение — это показать партнёру, что всё это время, пока он не знал, ты думал только о том, как сделать его счастливым, и ради этой цели приложил все усилия. Поэтому, пусть даже и мило, когда сюрприз раскрывается раньше

времени... всё же, для наибольшего эффекта, лучше сохранить тайну до самого конца и тогда уже произвести полное впечатление.»

Именно потому, что весь этот процесс предстояло скрыть от советника, герцога и мучила тревога.

Герцог был согласен с доводами рыцаря. Разве не так же и на охоте? Нужно полностью скрыть своё присутствие и лишь в идеальный момент наброситься, вонзив клыки в шею добычи. Скрывать все признаки до решающего момента звучало более чем разумно.

И, если честно...

«Передние лапки Вашей Светлости такие милые...»

«Задние лапки Вашей Светлости такие милые...»

«И язычок Вашей Светлости такой милый...»

«Ха... даже просто дыхание и то милое...»

Он уже с лихвой получал свою дозу «милоты». Но герцогу нужно было не это.

Ему нужен был не мимолётный всплеск чувств из-за случайно раскрытого секрета.

Ему нужен был результат безупречно исполненного ухода.

А значит, до завершения всех приготовлений следовало тщательно скрывать любые намёки и следы. И только когда придёт нужный момент, действовать.

— Уфф...

Взгляд герцога упал на тяжело выдохнувшего советника.

На его слегка приоткрытые губы, на белую кожу шеи, выглядывающую из-за широкого ворота ночной рубашки, на изгиб спины, проступающий сквозь тонкую ткань, когда он склоняет голову...

Проблема была в том... что, даже несмотря на незавершённые приготовления, при одном взгляде на этого человека его тело тут же напрягалось. Если так пойдёт и дальше, он, чего доброго, забудет про все секреты и подготовку и просто вцепится ему в загривок.

<http://bllate.org/book/12567/1117850>